

Дунай-сват

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир-пированьице
На многих князей, на бояр,
На русских могучиих богатырей.
Стал по горницы Владимир-князь похаживать,
Пословечно стал он выговаривать:
«Все есть добры молодцы поженены,
Все-то красны девушки замуж даны,
Столько я один хожу холост, не жененный.
То вы знаете ль мне, братцы, супротивницу,
Чтобы лицушком-то была супротив меня,
Очушки-то у ней ясных соколов,
Бровушки-то у ней черных соболей,
Походочка была бы лани белыя,
Белыя лани напольския,
Напольския лани златорогия,
Чтобы было мне с кем жить да быть,
Жить да быть, век коротати,
И вам, молодцам, было бы кому поклоняться».
Все молодцы за столом умолкнули,
Приумолкнули все, затулялися¹,
Большая тулица — за среднюю,
Средняя тулица — за меньшую,
От меньшей тулицы ответу нет.
За тых за столиков дубовых,
Из-за тых скамеечек окольниих
Вышел старый Пермил сын Иванович,
Понизешенько он князю поклоняется:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Знаю я тебе княгиню-супротивницу:
Лицушком-то она супротив тебя,
Очушки-то у ней ясных соколов,
Бровушки-то у ней черных соболей,
Походочка у ней лани белыя,
Белыя лани напольския,

Напольския лани златорогия:
Будет с кем тебе, князю, жить да быть,
Жить да быть, век коротати,
И нам молодцам будет кому поклоняться.
Во той есть во славной Литвы,
У того есть у короля Литовского
Дочь прекрасная Опракса королевична.
Сидит она во тереме в златом верху,
На ню красное солнышко не оппекет,
Буйные ветрушки не оввеют,
Многие люди не обгалятся²».

Говорил Владимир таковы слова:
«Ай же ты, Пермил сын Иванович!
Кого мне-ка послать посвататься
За меня за князя за Владимира
На прекрасной на Опраксы королевичны?»

Говорил Пермил таковы слова:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Я про то знаю, кого послать посвататься
За тебя, за князя за Владимира,
На прекрасной на Опраксы королевичны:
Послать тихия³ Дунаюшка Ивановича;
Он, Дунаюшка, во послах бывал,
Он, Дунай, много земель знавал,
Он, Дунаюшка, говорить горазд:
Ему, Дунаюшку, и посвататься».

Владимир-князь стольно-киевский,
Наливает-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносил-то он ко тихому Дунаюшку Иванову.
Тихий Дунаюшка Иванович,
К делу он идет — не ужахнется,
Принимает эту чарочку одной ручкой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
Сам говорит таковы слова:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Еду я за добрым делом, за сватовством,
Посвататься за тебя, за князя за Владимира,
На прекрасной на Опраксы королевичны,

Столько дай мне во товарищах
Моего-то братца крестового,
Молода Васильюшка Казими́рова».
Владимир-князь стольно-киевский,
Наливает он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносил к Васильюшку Казимирову.
Молодой Васильюшка Казимиров,
К делу он идет — не ужахнется,
Принимает эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
Сам говорит таковы слова:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах с Дунаюшкой,
Только дай нам еще в товарищах
Василья паробка заморского:
Ему, Васильюшку, коней седлать,
Ему, Васильюшку, расседлывать,
Плети подавать, плети принимать».
Владимир-князь стольно-киевский,
Наливал он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Подносил к Василью паробку заморскому.

Васильюшка паробка заморский,
К делу он идет — не ужахнется,
Принимает эту чарочку одной рукой,
Выпивает эту чарочку одним духом,
Сам говорит таковы слова:
«Владимир-князь стольно-киевский!
Еду я в товарищах к Васильюшку Казимирову
И к тихия Дунаюшку Ивановичу».
Оны шли в свои палаты белокаменны,
Седлали добрых коней богатырских,
Садилась на добрых коней, поехали
Во славную во эту в хоробру Литву.

Приехали к королю на широкий двор,
Становили коней посередь двора.
Тихий Дунаюшка Иванович
Со своей дружинушкой хороброю

Шел он во палату белокаменну,
На пяту он дверь-то поразмахивал,
Крест он клал по-писаному,
Поклон он вел по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то королю в особину,
И всем его князьям подколенным.
Стал король у них выпрашивать:
«Вы отколешны, удаленьки дородни добры молодцы?»
Говорил Дунай таковы слова:
«Есть мы со славной матушки со святой Руси
От ласкова князя от Владимира».
Король садит-то их за столики дубовые,
За тыя за скамейки за окольные,
Кормил-то их ествушкой сахарнею,
Поил-то их питьицем медвяным.
Наливает-то он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Поднес к тихому Дунаюшку Иванову.
Тихий Дунаюшка Иванович,
Скорешенько ставал он на резвы ноги,
Берет он эту чарочку одной рукой,
Он за этой чарочкой посватался
За того за князя за Владимира
На прекрасной на Опраксы королевичны.
Говорил ему король таковы слова:
«Глупый Владимир стольно-киевский,
Он не знай⁴, кого послать ко мне посвататься,
Из крестьян ко мне крестьянина богатого,
Из бояр мне-ка боярина хорошего,
Из богатырей богатыря могучего.
Он послал ко мне холопину дворянскую!
Ай же вы, мои слуги верные!
Вы берите-тко Дунаюшка за ручушки за белыя,
За него за перстни за злаченые,
Ведите-тко на погреба глубокие
За него за речи неумильныя».
Тихий Дунаюшка Иванович,
Видит он: дело есть немалое,

Скорешенько он скочит через золот стул,
Схватил он татарина за ноги,
Стал он татаринном помахивать,
Стал он татар поколачивать.
Король по застолью бегаёт,
Куньей шубой укрывается:
«Ай же тихий Дунаюшка Иванович!
Садись-ка со мной за единый стол,
Сделаем с тобой мы сватовство
За того за князя за Владимира
На моей-то дочери любимыя,
На прекрасныя Опраксы королевичны».
Говорил Дунай таковы слова:
«Не учествовал молодцев приедучись,
То не ужаловать ти молодцев уедучись:
Я в честь возьму Опраксу за князя за Владимира,
А не в честь Опраксу за товарища,
За того возьму за паробка любимого».
Пошел тихий Дунаюшка по терему,
Стал он замочиков отщалкивать,
Стал он дверцы выставливать,
Пришел-то он в терем, во златы верхи,
Ко прекрасныя Опраксы королевичной.
Прекрасная Опракса королевична
Ходит по терему, злату верху,
В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонкиих чулочиках без чеботов,
У ней русая коса пораспущена.
Говорил ей Дунай таковы слова:
«Ай же ты, Опракса королевична!
Идешь ли ты замуж за князя за Владимира?»
Говорила она таковы слова:
«Три года я Господу молился,
Чтоб попасть мне замуж за князя за Владимира».
Тихий Дунаюшка Иванович
Берет ю за ручушки за белыя,
За нея за перстни за злаченыя,
Целовал ю в уста во сахарния
За нея за речи за умильныя.

Приводил ю на широкий двор;
Они сели на добрых коней, поехали
По славну по раздольицу чисту полю.

Говорит ему Опракса королевична:
«Ай же тихий Дунаюшка Иванович!
Есть у меня сестрица родимая,
Молода Настасья королевична:
Она ездит в чистом поле поленицею,
Имеет в плечах силушку великую,
Ежели наедет вас в раздольце чистом поле,
С ней не делайте противности великия».
Раздернули шатры белые в чистом поле,
Становили добрых коней богатырских,
Насыпали им пшены белояровой.
Наехала Настасья королевична
Из того раздольица чиста поля,
Накатилася за нима, как сильна гора.
Тихий Дунаюшка Иванович
Поздравствовал Настасью королевичну
И говорил ёй таковы слова:
«Ай же ты, Настасья королевична!
Идет твоя сестрица родимая,
Прекрасная Опракса королевична,
За славного за князя за Владимира;
А ты пойдитко замуж за меня,
За тихия Дунаюшка Ивановича».
Пошла она за тихия Дунаюшка Ивановича.

Приехали оны в стольно Киев-град,
Ко князю ко Владимиру на шйрок двор,
Их стречает князь Владимир стольно-киевский
И ведет их во палаты белокаменны;
Накормил-то их ествушкой сахарнею,
Напоил-то их питьицем медвяным.
Сходил с нима во матушку в божью церкву,
Принимали-то они златы венцы,
Выходили со матушки с божьей церкви,
Пришли они в палаты белокаменны;
Владимир-князь стольно-киевский,

Заводил он почестен пир-пированьице
На всех на князей, на бояр,
На русских могучих на богатырей
И на всю паленицу удалую.
Стали испивать хмельных напитков.
Тихий Дунаюшка Иванович
Пьет напитки, да похваляется:
«Достал-то я княгину про князя про Владимира,
Достал княгину про тихия Дунаюшка Ивановича».
Говорит ему Настасья королевична:
«Ай же тихий Дунаюшка Иванович!
Не хвастай своею храбростью великою:
На твою-то молодецкую головушку
Я кладу свое колечико серебряно,
Три раз из лука калену стрелочку повыстрелю,
Пропущу-то сквозь колечико серебряно,
И не сроню-то я колечика с головушки».
Тихий Дунаюшка Иванович
Скорешенько ставал на резвы ноги,
И выходил с ней Дунай в чисто поле,
Полагал себе колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую.
Молода Настасья королевична,
Три раз она прострелила в колечико серебряно,
Пропустила стрелочку каленую
И не сбила колечика с головушки.
Тихий Дунаюшка Иванович
Становил Настасью королевичну,
Полагал ей колечико серебряно на головушку,
Берет свой тугий лук разрывчатый в белы руки,
Налагал-то он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку.
Тут Настасья королевична молилася:
«Ай же тихий Дунаюшка Иванович!
У меня с тобой есть во чреве чадо посеяно,
Принесу тебе я сына любимого:
По коленца ножки в серебре,
По локоточки рученьки в золоте,
На головушке по косицам будут звезды частыя.

За глупыя слова мои за женския
Копай ты в матушку сыру землю меня по пояс,
Бей-ко ты меня по нагу телу
За мои за речи неумильныя».
Говорил Дунай таковы слова:
«Все это отвертки есть женския!»
Спустил как он стрелочку каленую,
Да во самое во темячко,
Убил он Настасью королевичну,
Убил он, сам пораздумался:
«Пораспластать мне было ей чрево женское, —
Есть ли у меня что с ней посеяно?»
Как распластал ей чрево женское,
Так с ней во чреве чадо посеяно:
По коленца ножки в серебре,
По локоточки рученьки в золоте,
На головушке по косицам звезды частыя.
Тут Дунаюшка и раздумался:
«Что я сделал две головки бесповинных!»
Брал в руки саблю вострую,
И пал-то он на саблю вострую,
Сам говорил таковы слова:
«Где пала Настасьяна головушка
И где протекла Настасья-река,
И тут протеки-тко Дунай-река».

Из-под этого с-под местечка
Протекали две реченьки быстрых,
И на две струечки они расходилися,
И еще они вместе сходилися.

(Записано П. Н. Рыбниковым со слов Рябинина Т. Г., Кижи)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.

1 Туляться — уклоняться, хорониться.

2 Не обзарятся, не глазеют. Б.

3 Дунай здесь называется тихим, потому что таково (тихий и белый)
достоянное прозвище реки Дуная у славян.

4 Сокращение из знае — знает.